

УДК 821.161.1

КОМПЛЕКС СВЯТОЧНЫХ МОТИВОВ В РАССКАЗЕ А.А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО «СТРАШНОЕ ГАДАНИЕ»

Рахманова А.Е.

ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, e-mail: rakhmanova.allachka@gmail.com

Аннотация: Статья написана в рамках исследований календарно-духовной культуры русского народа, воплощенной в художественных текстах разных литературно-исторических эпох. Статья написана с учетом новых трудов и уже ставших хрестоматийными. В настоящей статье рассматривается реализация мотивного святочного комплекса в повести русского писателя эпохи романтизма А.А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание». Акцент сделан на мотивах смерти, общения с inferнальным миром, чуда, а также гадания, ряженья, сна.

Ключевые слова: святки, комплекс святочных мотивов, эпоха романтизма, гадание, ряженье, сон.

COMPLEX OF SANDING MOTIVES IN THE STORY A.A. BESTUZHEVA-MARLINSKY "SCARY READING"

Rakhmanova A.E.

Gorno-Altai State University, the city of Gorno-Altaysk, Altai Republic, e-mail: rakhmanova.allachka@gmail.com

Annotation: The article was written as part of a study of the calendar and spiritual culture of the Russian people, embodied in literary texts from various literary and historical eras. The article is written taking into account new works and already become textbooks. The article discusses the implementation of the set of motives "Christmas time" in the story of the Russian writer of the era of romanticism A.A. Bestuzhev-Marlinsky ["Terrible fortune-telling"]. The emphasis is on the motives of death, communication with the infernal world, miracles, as well as fortune-telling, mummers, sleep.

Keywords: Christmas time, a complex of holy motives, the era of romanticism, fortune-telling, mummers, sleep.

В стратегии научного поиска, начиная с середины 1990-х гг, особый интерес принадлежит исследованию календарно-духовной культуры русского народа, воплощенной в художественных текстах разных литературно-исторических эпох. Цель нашего исследования в рамках статьи – рассмотреть отражение святочного комплекса мотивов в отдельном произведении романтизма – рассказе «Страшное гадание» известного беллетриста эпохи А.А. Бестужева-Марлинского. Статья написана с учетом новых (Э.М. Жилякова, С.Ю. Николаева) и ставших хрестоматийными (Е.В. Душечкина, И.А. Есаулов и др.) исследований по проблеме. Работа строится на сочетании историко-функционального и структурно-семиотического методов.

Итак, прежде чем обратиться непосредственно к анализу художественного текста, необходимо обозначить значение Святков в русской духовной культуре. Святки включают в себя целый цикл зимних праздников, связанных с самыми значимыми в христианском мире событиями. Это Сочельник – вечер накануне Рождества, само Рождество, Новый год и дни до Крещения: с 24 декабря по 6 января. Святки как религиозный праздник имеет символику, соотносящуюся с евангельскими текстами. Кроме того, дни празднования от Рождества до

Крещения во все времена были окружены мистическим, таинственным ореолом. Считалось, что в эти дни могут произойти самые невероятные, фантастические события. Это связано с проявлением древней языческой традиции [1].

На Руси стали праздновать Рождество после принятия христианства в X веке (25 декабря/7 января). Оно приходилось на то время, когда древние славяне отмечали многодневный зимний праздник — коляду. Рождеству предшествовал длительный пост, в последний день которого верующие не принимали пищу до появления первой звезды. Вечерняя трапеза начиналась после богослужения в церкви. Все члены семьи собирались за праздничным столом, который традиционно украшался еловыми веточками, свечами и лентами. Пища была разнообразной, но начиналась трапеза обязательно с обрядовой каши-кутчи. Вся семья собиралась вместе. Читали молитву, обменивались подарками. Дети вместе с родителями оставались допоздна, слушали священные рассказы о рождении Христа. Молодежь ходила по дворам, пела песни, поздравляла хозяев, те, в свою очередь, одаривали щедрыми угощениями. Однако во многих местах святость этого праздника нарушалась гаданиями, ряженьями и другими обычаями, сохранившимися от языческого праздника. Все эти праздники справляли в период зимнего солнцестояния. Колядовать начинали с рождественского сочельника (канун праздника). Обязательным элементом обрядового комплекса святок являлось ряженье. Ряженье связано с поверьем в то, что в это время активизируются всевозможные темные силы. Ряженые, принимая демонические облики, должны были отгонять злых духов. Особенность святочного ряженья обусловлена его приуроченностью к периоду пограничному, «перевернутому». Новый год сменял старый, отжитый. Поэтому ряженые многократно изменяли свою внешность. Одежда при этом должна была быть вывернута наизнанку. Наряды были самые разнообразные, но существовали определенные группы персонажей святочных ряжений: ряженье в покойника, ряженье в животных и черта, ряженье в человеческих персонажей [2, с.370-372]. Еще одним компонентом зимних праздников (а значит, и мотивного святочного комплекса) являются гадания – диалог с судьбой, узнавание своей доли. Особое значение придавалось гаданиям именно во время зимнего солнцестояния. Считается, что в эти дни границы между мирами становятся тоньше, что способствует более правдивому результату гаданий.

Так, празднование Святок приобрело свою тематику, выражавшуюся в формах гадания, ряженья (с колядованием) и так называемого баловства. Вместе с тем смысловое наполнение этих форм одно: приобщение к inferнальному с целью узнать (задобрить) будущее.

Святочные мотивы нашли свое отражение как в фольклоре, так и в художественной литературе [3]. Комплекс святочных мотивов (о жанре литературного святочного и

рождественского рассказа говорить было еще преждевременным) оказался довольно востребованным отечественной литературой эпохи романтизма, для поэтики которой было характерно обращение к загадочному и мистическому, обращение к историческим и национальным истокам (В.А. Жуковский «Светлана», Б. Федоров «Вечерние рассказы», К. Баранов «Ночь на Рождество Христово», Н.В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки», А. Шаховской «Нечаянная свадьба», Ф. Булгарин «Встреча Нового года с прошлым», А.А. Бестужев-Марлинский «Страшное гадание» и др.).

Обратимся к повести А.А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» (1831). В данном произведении нас интересуют сцены, связанные с празднованием святок. Молодой офицер, «попав вместо бала на сельские посиделки» [4, с.18], становится не только очевидцем, но и участником святочных гаданий. Семантика названия произведения ассоциативно уже отсылает к ритуалу гадания, который входит в комплекс мотивов «Святки».

Следует обратить особое внимание на авторские описания обстановки в сельской избе, нарядов присутствующих, их поведение и действия. Очевидным становится тот факт, что в данном произведении изображено празднование святок. Автор описывает праздничные наряды девушек «в кокошниках... в повязках разноцветных, с длинными косами, в которые вплетены были треугольные подкосники с подвесками или златошвейные ленты» [4, с.18] и парней «в пестрядинных или ситцевых рубашках с косыми галунными воротниками и в суконных кафтанах» [4, с.18].

Далее мы видим два вида традиционных гаданий: это гадание с петухом, пущенным в круг. А также подблюдное гадание, девушками исполнялись подблюдные песни, в которых в иносказательной форме содержались предсказания для всех участвующих в данном обряде. «Накрыв блюдом чашу, в которой лежали кусочки с наговорным хлебом, уголья, значения коих я никак не мог добиться, и перстни да кольца девушек, все принялись за подблюдные песни, эту лотерею судьбы и ее приговоров» [4, с. 18-19]. Далее по тексту следуют рассказы о не столь безобидных способах заглянуть в будущее, но присутствующие овеяны страхом, и никто не решается покидать избы в эту ночь: «Ведь канун-то Нового года чертям сенокос» [4, с.19-20].

В тексте встречается еще один святочный мотив – ряженье. Рассказывается история о том, как один молодец взял саван с мертвеца и переделался в покойника (здесь явно прочитываются элементы традиционной святочной игры в покойника). Считалось, что данный ритуал опасная игра с нечистой силой.

Святки делились на «светлые вечера» и «страшные вечера». Первой половине соответствовали нарядные, светлые ряженья, а второй половине – пугающие, нечистые. В

народной среде ряжение имело двойственный характер, из-за страха причастности к «иному» миру [5].

Главный герой рассказа поддается уговорам на «страшное гадание», так как он не верит в мистику и нечисть: «чертей я боюсь еще менее, чем людей» [4, с. 28]. Ритуал гадания проводится в таинственной, пугающей обстановке, что впоследствии становится характерным для святочного рассказа. Появляются образы-символы, несущие смертные коннотации [6]. Такие эмблематичные образы, как кладбище, черное озеро, метель, ветер, «страшная» атрибутика гадания, создают мрачную обстановку, способную ввести в состояние страха каждого человека, независимо от его отношения к суевериям. Отметим и новогодний хронотоп в рассказе: период пограничный, отсюда возникает мысль о слиянии потустороннего и реального миров.

Чудом, которое станет в дальнейшем одним из основных мотивов любого святочного произведения, в данном рассказе становится сон-излечение. Так, для молодого офицера страшное гадание становится психологическим испытанием. Через сновидение герой узнает свое возможное будущее. Проснувшись, он меняет свое решение встретиться с возлюбленной. Увидев во сне последствия своих действий, он понимает, что в жизни это не может повториться: «Я дал слово не видеть более Полины и сдержал его», «гадание открыло мне глаза, ослепленные страстью» [4, с.54]. Романтики считали, что сны играют решающую роль в творческом процессе. Сон, прежде всего, мотивируется психологически: он объясняется переживаниями героя. Кроме того, сновидение конногвардейского офицера несет мистическую, загадочную семантику. В нем проявляются романтические черты произведения – роковая страсть, встреча с inferнальными силами. Автором не показаны четкие границы сна. Сон является продолжением реальных событий, и только по его истечению мы понимаем, что действия были не реальными. Данный приём получил большое распространение в литературе романтизма, поскольку одновременно являлся способом раскрытия подсознательных желаний героя, а также средством соотнесения сверхъестественного мира с реальным. В рассказе сон – знак коммуникации традиционно выполняет охранительную функцию.

Изначально из повествования мы узнаем, что главный герой в канун Нового года, соответственно, в святки, был приглашен на бал, однако во сне офицера именно бал способствует рождению inferнальных смыслов [7]. Каждый структурный компонент бала имеет обратную сторону («нечистую»). Ритуал гадания является символическим переходом в другой мир. Герой на протяжении всего произведения находится в пути. Здесь стоит обратить внимание на хронотоп дороги [8, с. 154-156]. Метель как второстепенный

мотив в святочном комплексе является знаком-предупреждением опасного продвижения к задуманной цели. Герой, обуреваемый страстями, не видит преград для задуманного.

Танец на балу с возлюбленной лишает его природных чувств, «не помню, что я говорил, что слышал», «я ничего не видел», «забыл самого себя». Танец представлен автором как «кружение». В культурной традиции романтизма вихревое движение, кружение трактуется как приобщение к сверхъестественному началу — божественному или демоническому. В рассказе «Страшное гадание» герои приобщаются к кружению губительной стихии потустороннего мира. Неистовые страсти проявляют себя в сцене побега: «Природа наказала меня неистовыми страстями, которых не могли обуздать ни воспитание, ни навык; огненная кровь текла в жилах моих» [4, с. 21]. Страшная сцена убийства становится апогеем страстей. Герой находится во власти дьявольских сил. В поведении «нечистого» незнакомца-медиатора в «мир иной» (буквально — в могилу), прослеживается злорадство. В сновидении зло с убийственными страстями одержало победу. Страшное гадание в канун Нового года стало важным событием в жизни молодого офицера. Увиденный сон отрезвляет героя, приводит к решению внутреннего конфликта между страстью и долгом в пользу последнего.

Таким образом, рассказ А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» становится реализацией целого комплекса святочных мотивов, как ведущих («смерть», «общение с инфернальным», «чудо»), так и вспомогательных, организующих («гадание», «ряженье», «сон», «метель», «блуждание-путаница»). Святочный комплекс в данном рассказе, как было выяснено, содержит нравственное ядро: победу добра (совести, разума) над злом (незаконной страстью к замужней даме), что соответствует традиционному пониманию идеала русской литературы.

Список литературы

1. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра, 1995. 176 с.
2. Васькина А.С. «По одежке встречают...» или святочное ряжение русского севера. М.: Вестник РГГУ, 2009. С. 369-372.
3. Николаева С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. [Электронный ресурс].
URL: <https://www.dissercat.com/content/paskhalnyi-tekst-v-russkoi-literature-xix-veka>
(дата обращения 15.02.20)
4. Бестужев-Марлинский А.А. Страшное гадание (сборник). М.: Рипол-классик, 2013. 253 с.

5. Святочное ряжение [Электронный ресурс]. URL: https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43900135515/Svyatochnoe-ryazhene?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения 09.02.2020).
6. Шевцова О.Н. Труды русских историков и писателей эпохи романтизма: образно сюжетный строй, литературная стилистика и композиционное построение. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. 102 с.
7. Юрченко Т.Н. Мифологема бала в русской литературе 20-40-х годов XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2001.
8. Матвеева А.В., Сизых О.В. Хронотоп дороги в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» // Новая наука: стратегии и векторы развития. Уфа, 2016. № 5-3 (72). С. 153-156.
9. Вишина Г.В. Романтизм Бестужева-Марлинского: оригинальность жанров его повестей // Вестник Воронежского института высоких технологий. Воронеж, 2015. № 2(15). С. 157-161.